

Л. Д. Бондарь, К. А. Рачкова

**Блокадное письмо В. Е. Басовой
(к военной истории
Ботанического института АН СССР)***

В последнее время в исследованиях по истории науки последовательно проводится мысль о том, что продвижением научных знаний мы обязаны не только общепризнанным научным авторитетам, обладателям научных степеней и званий; свою значимую лепту в эффективность работы научных учреждений вносили также рядовые сотрудники, формируя контекст поисковых исследований¹. Критические же времена, какими стали годы ленинградской блокады, решительно стирали грани между академиками и простыми служащими: свой вклад в сохранение остававшихся в Ленинграде научных коллекций, оборудования, недвижимого имущества научных учреждений и в продолжение научной работы в равной степени вносили как первые, так и вторые. Согласно одному из списков по личному составу Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР (БИН), на 1 сентября 1942 г. из 151 работника лишь 27 являлись научными сотрудниками². Эго-документы того времени имеют равное значение, кем бы из ленинградцев они ни были созданы. В таких документах отражены детали блокадного быта, которые казались важными для ленинградцев, а значит, и для исследователей истории этих героических лет.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда; проект № 25-18-00293 «Ленинградские ученые в годы блокады».

Настоящая статья посвящена блокадному письму В. Е. Басовой, служащей БИН, оставшейся в своем учреждении в блокированном Ленинграде до последних дней жизни. Его публикация дает возможность решить несколько исследовательских задач. Как аутентичное свидетельство эпохи, представляемый документ содержит ценную информацию о работе БИН в блокадные годы, о сотрудниках, преданно сберегавших научные ценности института и его здания, а также о той посильной помощи, которую само учреждение могло оказать своим работникам и защитникам в самые суровые блокадные дни. Содержание письма дополняется официальными документами, хранящимися в фонде БИН в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН. Ф. 273). Кроме того, исследуемое письмо имеет утраты текста, вызванные обстоятельствами военного времени. На его примере иллюстрируются особенности работы с такими источниками, в частности современные способы восстановления текстовых лакун.

Некоторые биографические сведения о личности автора письма дают делопроизводственные материалы БИН, содержащие, по сути, единственные документальные свидетельства о В. Е. Басовой. Благодаря этим, впервые собранным

сведениям не только вырисовывается портрет автора документа — жительницы блокадного Ленинграда: через биографии отдельных работников научных учреждений мы получаем возможность осмыслить то, как формировались коллективы институтов в предвоенное время, кто в них работал в критические периоды истории.

Вера Ефимовна Басова родилась 7 декабря 1895 г. в семье купца второй гильдии (с 1875) Ефима Яковлевича Гусева (6 января 1840 — 1 ноября 1896)³ и Александры Алексеевны Гусевой, урожденной Полякиной⁴ (рис. 1), в деревне Корцово⁵, куда семья переехала незадолго до смерти отца. Вера была последним, восьмым ребенком в семье⁶ (рис. 2, 3). Позднее в кадровых документах БИН 1937 и 1938 гг. относительно рода занятий родителей В. Е. Басова указывала: «крестьяне-середняки». О купеческом состоянии отца она умалчивала, более того, приписка в личном листке 1937 г. в соответствии с требованиями времени

Рис. 1. А. А. Гусева, урожд.

Полякина и Е. Я. Гусев.

Фото. Между 1878 и 1896 гг.

© Из семейного архива К. А. Рачковой

гласила: «Никакой торговлей не занимались. Лишенных избирательных прав нет никого»⁷.

О своем образовании В. Е. Басова сообщала, что окончила три класса сельской школы, в 1903 г. училась в городском училище⁸. Период жизни до приезда в Ленинград в личном листке 1937 г. отображен так: «До 1929 жили в деревне, занимались с[ельским] хоз[яйством]. Хозяйство было середняцкое. До 1933 г. раб[отала] дома»⁹. Во втором листке (1938) появляется уточнение: «До 1929 г. жила в своем крестьян[ском] хозяйстве, с. Михайловск[ое] Галичск[ого] р-на Яро[славской] обл.»¹⁰.

Село Михайловское Галичского района¹¹ было родным селом мужа В. Е. Басовой —

Рис. 2. Вера Ефимовна Басова.
Фото. [1910-е гг.]

© Из семейного архива
К. А. Рачковой

Рис. 3. Сестры Гусевы: Вера (вторая слева), Надежда, Любовь, Екатерина.
Фото. [1900-е гг.]

© Из семейного архива К. А. Рачковой

Павла Николаевича Басова (1900–1978), где семья поселилась после свадьбы, состоявшейся после возвращения П. Н. Басова со службы в армии в 1921 г. В 1923 г. у Басовых родилась дочь Александра (14 марта 1923 — 9 мая 1991), затем вторая дочь — Любовь (11 августа 1928 — 20 сентября 2015) и, наконец, младшая — Екатерина (3 июля 1931 — 18 июля 2018).

Новая страница семейной истории началась в 1933 г., когда до зажиточной семьи Басовых докатилась волна раскулачивания. П. Н. Басова сослали на спецпоселение в Магнитогорск, В. Е. Басова должна была пойти работать на кожевенный завод, находившийся в деревне Шокша¹², что позволило ей в 1937 г. в кадровых документах обозначить свой «более высокий» социальный статус — «рабочий». К счастью, П. Н. Басова вскоре освободили, и в 1934 г. семья¹³ переселилась в Ленинград — в город, с которым была связана семейная история В. Е. Басовой и где в недавно созданном (слиянием Ботанического сада и Ботанического музея) Ботаническом институте АН СССР работал счетоводом, а затем бухгалтером младший брат П. Н. Басова Александр Николаевич Басов (1904–?)¹⁴. 8 июля 1934 г. П. Н. Басов обратился в БИН с заявлением о принятии на должность дворника с просьбой предоставить жилплощадь, и 17 июля 1934 г. он был принят на работу¹⁵. В полученном служебном жилье семья Басовых проживала в течение всего периода работы в БИН бессменно по адресу: ул. Песочная (с 1940 г. — ул. Профессора Попова), д. 2 (1/2), кв. 58¹⁶.

Через год, в июне 1935 г., заявление о приеме на работу в БИН подала и В. Е. Басова¹⁷. В разные годы она занимала там различные должности: сезонной садовой рабочей в Садовой части (с июня 1935 г.), служительницы в библиотеке (с ноября 1936 г.), уборщицы (1937 г.)¹⁸. Служебные документы свидетельствуют о том, что в институте она была на хорошем счету: с 1934 г. состояла в профсоюзе ВУЗ и НИУ (Профсоюз работников высшей школы и научных учреждений)¹⁹, ежегодно с 1937 по 1941 г. поощрялась денежными премиями, в 1940 и 1941 гг. получила благодарности «за высокие показатели в работе»²⁰.

Военный 1941-й год начался для В. Е. Басовой непросто. В марте ее сразила длительная болезнь²¹. А 28 июля 1941 г. ее мужа мобилизовали²². Он воевал на Карельском фронте и закончил военную службу 30 июля 1945 г.²³ в звании сержанта²⁴.

Сама В. Е. Басова оставалась в Ленинграде, работая в БИН после замыкания кольца блокады. Вероятно, мы ничего не узнали бы об этих днях ее жизни, если бы не документ, переданный в 1978 г. в Государственный музей истории Ленинграда (сегодня — Государственный музей истории Санкт-Петербурга; ГМИ СПб) ее дочерью — Любовью Павловной Воеводской. Это письмо. Оно было написано В. Е. Басовой 5 ноября 1941 г. и отправлено из заблокированного города к родным²⁵, очевидно, в с. Михайловское²⁶. Такое предположение вытекает из фразы в письме о том, что оно передается с эвакуированным профессором института²⁷, у которого семья (дети) находятся в Чёлсме — деревне в современном Галичском районе Костромской области, отстоящей примерно

на 10 км от села Михайловского²⁸. Точный адресат письма неясен. В Михайловском в годы войны жила бывшая работница Басовых — Мария Северьяновна Хапкова (26 марта 1888 — 20 февраля 1978), ставшая фактически членом семьи. Она оказала значительную поддержку Басовым во время ареста и высылки Павла Николаевича, а затем осталась жить одна в их доме до скончания своих дней²⁹. В списках на эвакуацию БИН 1941 г.³⁰ именно М. С. Хапкова указана как родственница в записи, касающейся дочери В. Е. Басовой — Любы. О других родственниках в Михайловском сведений не обнаружено. М. С. Хапкова была неграмотной. Письмо обращено к коллективному адресату: «Мои милые, родные, хорошие». Кроме того, оно адресуется к «Катюше», но это лицо установить не удалось. В начале письма встречаем фразу: «ой, мамочка милая». Слово, прочитанное как «мамочка», сильно затерто и написано с большой буквы, так что нельзя исключать, что это может быть слово «Маничка», как в семье звали М. С. Хапкову.

Объем документа — три тетрадных листа³¹, исписанных с двух сторон фиолетовыми чернилами. При этом четыре фрагмента письма вымараны: черной тушью густо закрашены около трех строк в середине первого листа (рис. 4), примерно столько же в конце второго листа, две с половиной строки на обороте второго листа и одна строка в начале третьего листа. В ГМИ СПб хранится целый ряд документов с аналогичными уничтожениями текстов. Причиной вымарывания отдельных фрагментов являлась военная цензура. В случае с исследуемым письмом не вполне ясно, в какой инстанции мог быть закрашен текст, так как предполагалась его передача с оказией, а этот путь, как правило, позволял избежать цензуры. Либо в итоге письмо все же отправилось почтой, либо следует предположить, что и в случае личной доставки по пути до места эвакуации бумаги могли быть подвергнуты перлюстрации.

В лаборатории консервации и реставрации документов СПбФ АРАН многие годы ведется успешная работа по фотовыявлению угасшего текста на бумажных носителях методом видимой люминесценции³². Специалистами лаборатории в 2025 г. была предпринята попытка выявления текста фрагментов публикуемого письма, закрашенных вторым чернильным слоем³³, при помощи оборудования для проведения реставрационных работ в мультиспектральном диапазоне излучений: видимом, ультрафиолетовом и инфракрасном SWIR-спектрах (исполнитель — Л. Г. Чехович). Однако исходный текст исследуемых фрагментов увидеть не удалось. Не дала результатов и обработка цифрового образа документа с помощью программы «Capture One» (исполнитель — М. А. Доронченкова). Судя по результатам исследований, текст был не только густо закрашен тушью (возможно, кисточкой), но частично затерт или выскоблен. В итоге удалось прочитать только отдельные буквы, не позволяющие восстановить содержание утрат.

Но и без этих фрагментов текст документа представляет несомненный интерес. Трудно переоценить значение тех свидетельств, что находим

в опубликованном письме — ярком документальном памятнике эпохи, в котором отражен эрзац блокадной жизни Ботанического института, живая картина военных будней учреждения, работавшего как единый организм. Институт

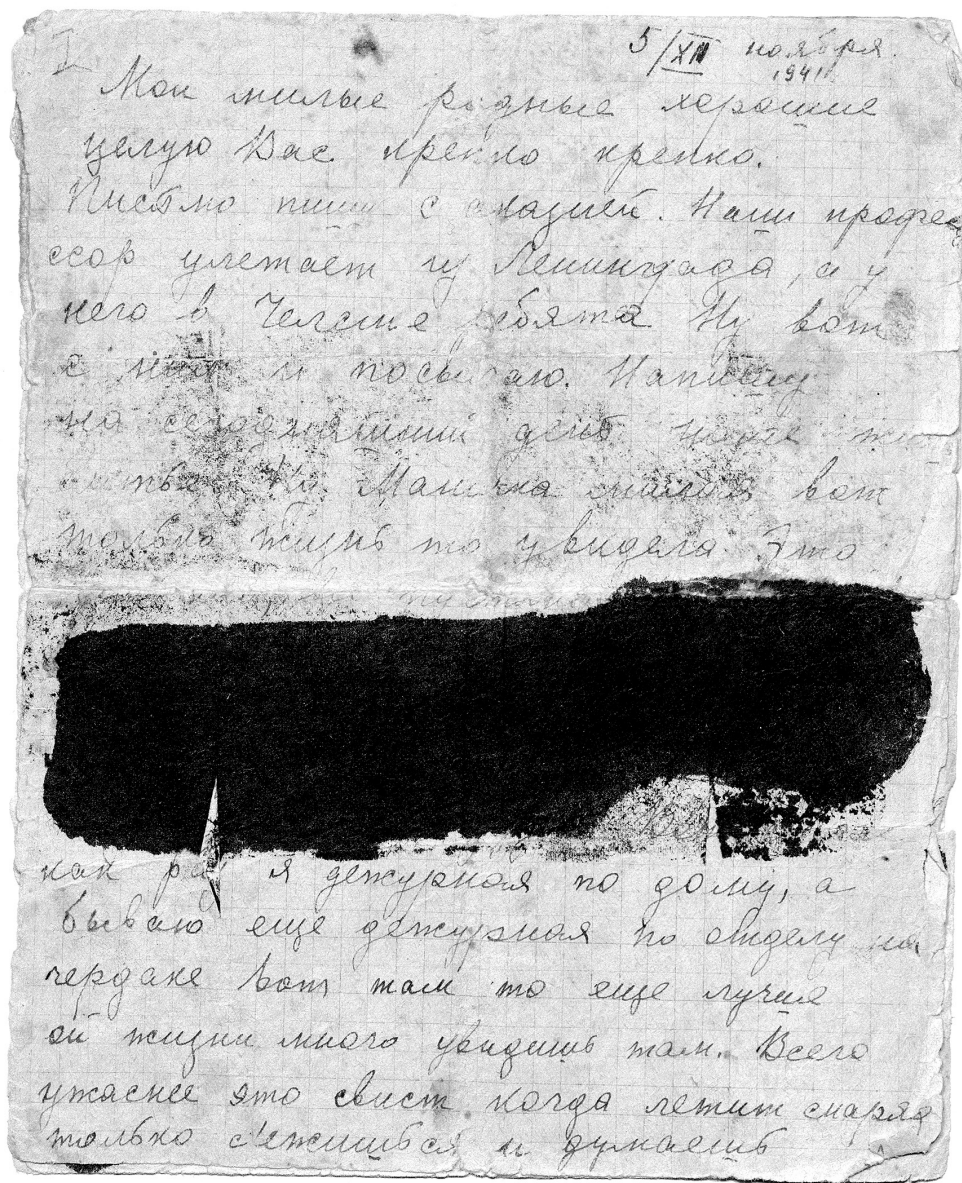

Рис. 4. Письмо В. Е. Басовой. Ленинград. 5 ноября 1941 г.
© ГМИ СПб. Ф. РДФ. Инв. № III-Б-83340

пытался сберечь жизни сотрудников (к сожалению, не всех), а они — свой институт. Возможность проживания на территории института для его сотрудников, как видно из письма, в известной мере облегчала организацию мероприятий по обеспечению безопасности зданий и коллекций (гербария, коллекций живых растений), оперативному тушению зажигательных бомб (исключительно важная и особо отмечаемая руководством мера безопасности). Защита института становилась для сотрудников в прямом смысле слова защитой собственного дома. Большое значение в условиях поврежденных коммуникаций имело расположение института в непосредственной близости от воды (Большая Невка и Карповка). В связи с необходимостью поддержания нужной для растений температуры должна была работать кочегарка. Публикуемое письмо недвусмысленно свидетельствует о поддержке, оказываемой институтом своим работникам в блокадное время: устройство на работу членов семей сотрудников гарантировало им дополнительные продовольственные карточки; принятые в институтский детский сад дети школьного возраста получали дополнительное обеспечение. Даже «окопные работы», на которые направлялись сотрудники института, могли облегчить проблему питания. Письмо жительницы блокадного Ленинграда, служительницы Ботанического института, на долю которой пришлось немало жизненных испытаний, Веры Ефимовны Басовой, дополняет картину героических военных будней ленинградцев и их тихого подвига по спасению города, по поддержанию жизнеспособности своих учреждений. В нем — живое восприятие страшной обстановки в блокированном городе, а удивительные слова, которые мы читаем в письме: «С какой гордостью произносишь слова “Мы ленинградцы”, а за город Ленина можно и поголодать», — являются показательным свидетельством тех настроений, которые царили среди рядовых жителей блокадного Ленинграда.

Таково исполненное оптимизмом и гордостью за свой город письмо, содержащее одновременно понимание того, что жизнь в блокадном Ленинграде была не менее опасна, чем на фронте. И это было замечено почти пророчески. В регистрационной карточке П. Н. Басова из Ленинградского военно-пересыльного пункта в июле 1945 г. относительно семейного положения значится — «вдовец»³⁴. А в личной карточке В. Е. Басовой из БИН находим запись: «Время оставления службы: 12/III 1942. <...> Ввиду смерти»³⁵. Самую тяжелую блокадную зиму Вере Ефимовне не суждено было пережить. В ее расчетном листке за 1942 г. отмечены два продолжительных больничных, по сути непрерывных: с 3 января по 10 февраля и с 11 февраля по 3 марта 1942 г.³⁶; в свидетельстве о смерти указана причина — алиментарная дистрофия. В. Е. Басова похоронена на Пискаревском кладбище, в братской могиле «1942»³⁷.

Письмо В. Е. Басовой публикуется полностью в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации при сохранении отдельных словоформ, отражающих особенности письменной речи автора. Для восполнения отдельных лексем и уточнений публикаторов используются квадратные скобки.

Вымаранные места оговорены в археографических постраничных примечаниях. В угловых скобках помещены трудно читаемые (вследствие потертости или текучести чернил) и реконструируемые по смыслу части слов.

Приложение

5/XI ноября [1941 г.]

Мои милые, родные, хорошие.

Письмо пишу с оказией. Наш профессор улетает из Ленинграда, а у него в Челсме ребята. Ну вот, с ним и посылаю. Напишу на сегодняшний день наше житье-бытье. Ну, мамочка [Маничка?] милая, вот только жизнь-то увидела. Это* Вот <сегодня> как раз я дежурная по дому, а бываю еще дежурная по от-делу на чердаке, вот там-то еще лучше. Ой, жизни много увидишь там. Всего ужаснее — это свист, когда летит снаряд. Только съежишься и думаешь: сей-час тебя ляпнет. Но ничего не боюсь: от смерти не уйдешь. Это передай бабушке от меня. Бабушка, родная, где пальба, так и меня на крышу тянет. Это уж привычное дело: на крыше Гербария я, как дома. Как тревога прогудит, сейчас на крышу. И ждешь. Слышишь — летит. Его уже по звуку определишь.

Писала да и уснула. Разбудил дальнобойный, где-то недалеко разорвал-ся. Хлеба вот нам маловато. Только 200 грамм, и уже так 3 месяца с первого. Да всего не хватает. Вот ладно еще Шура³⁸ в БИНе р<a>б<o>гает, и я также. Это наша столовая при БИНе выручает здорово. И эти пай делим — два на три. Нашей иждивенке³⁹ ничего не дают тут. Катю⁴⁰ я устроила в очаг⁴¹, та сыта. Рабочая карточка на месяц: мясо, хлеб на день 400, сахар, крупа и масло. Служа-щая — 200 хлеба, мяса**, сахара***, масла**** и крупа. А иждивенцы еще меньше. В общем, без Кати, так как ее карточку отдаем в очаг. Но вырезают не все. Шура получает рабочую, Катя детскую, я служащую, Люба — иждивенка⁴². И мы на [э]ти на день получаем 800 гр[амм], делим на три пая и каждый пай на три: на утро, обед и ужин по кусочку. А уже, какой кусочек, судите сами. Чего-нибудь, но при<хо>дится при<пека>ать*****.

***** Вообще, о дне приходится говорить, когда он наступает. Запасов у меня никаких нет, сахару тоже не хватает, дней пять пили так. Вот Шура пока на око-пах⁴³, так еще сводим концы с Любой. Катя из очага приходит вечером, тоже чего-нибудь дашь. Я еще не жила так, но все-таки я не променяю свое житье на ваше. С***** какой гордостью произносишь слова «Мы ленинградцы», а за го-род Ленина можно и поголодать. От смерти не уйдешь, в<сех> она н<a>йдет.

* Далее следует первый фрагмент, вымаранный цензурой чернилами.

** Далее оставлено место (пропуск) в тексте документа.

*** Далее оставлено место (пропуск) в тексте документа.

**** Далее оставлено место (пропуск) в тексте документа.

***** Далее следует (до конца страницы) второй фрагмент, вымаранный цензурой чернилами.

***** Предшествует (с начала страницы) третий фрагмент, вымаранный цензурой чернилами.

***** Далее зачеркнуто: как. гор.

Что живы сегодня, значит, еще не судьба. Как вечер начинается, так и бомбит⁴⁴. От фугасной не скроешься никуда. И в бомбоубежище засыплет.

*Вчера в сад и в оранжерею нападал[о] зажигательных, но мы уже приспособились их тушить. Это нам нипочем⁴⁵. Вчера сбили фашистский самолет, упал в Таврический сад. Пожары почти каждый вечер, но скоро тушат. Горел Народ[н]ый дом⁴⁶, так бегала глядеть. Чего-то ничего не боюсь, и ребята по мне. Спим дома, только вот третий месяц не раздеваемся. Как тревога, так встаем и вдеваемся, выходим в коридор к выходу. А, уж если фугасная, т. е. прямое попадание, ну, Катюша, тогда — не поминайте лихом. Какая-то уверенность есть, что еще не конец пришел.

Не знаю, свидимся ли со своими вояками. Кто уцелеет — они или мы, трудно сказать. Также закрывайте и вы на это глаз[а], а глядите прямо. Убьют, так простите, не поминайте лихом. Кума, не забудь, что говорю, как истая ленинградка, а за Ленина и смерть не страшна. Пожалуй, она для нас и не существует, мы бессмертны. Если б я была у вас, я б с ума сошла от тоски по настоящему Ленинграду. Зря Клавд[и]я уехала. Когда она теперь попадет, неизвестно. Была я тут у папы Паши, как и всем, голодно-вато, не хватает. Говорит, что живет хорошо, но он мне не понравился, зря уехала она. Была у бабушки Павлы Николаевны. Поблизости четыре дома разбомбили. У них пока еще и стекла целы. У Ксении⁴⁷ мужа ранили: остался без глаза, и ногу ранило.*

ГМИ СПб. Ф. РДФ. Инв. № III-Б-8334д.

* Предшествует (с начала страницы) четвертый фрагмент, вымаранный цензурой чернилами.

** Перед этим зачеркнуто: Но надежда <все->таки, что.

*** Документ без окончания.

¹ Не имея возможности сделать в статье обзор многочисленных работ, посвященных реконструкции биографий рядовых сотрудников научных учреждений, отметим, что академические институты, публикующие истории своих учреждений, в равной мере представляют сведения обо всех категориях работников. См., например: Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. Н. Е. Носов. СПб., 2013; *Тункина И. В.* Хранители академической памяти (XVIII — первая треть XX в.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб., 2016. При этом, согласно имеющейся статистике по кадровому составу институтов позднего советского времени, ненаучный персонал в учреждениях негуманитарного направления составлял подавляющее большинство, в гуманитарных учреждениях — около 30 % (см.: *Лаптева Т. Н.* Кто есть кто в академическом НИИ: образ научного учреждения в последние десятилетия советской власти (1963–1991 гг.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 4. С. 1000–1001). Многочисленные обращения институтов Российской академии наук, занимающихся написанием своей истории, в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН) в поисках информации о биографиях рядовых сотрудников определили необходимость реализации в архиве обширного проекта по созданию базы данных документов по персональному составу учреждений Академии наук: *Крапошина Н. В.*,

Бондарь Л. Д. Персональный состав Академии наук XVIII — первой трети XX века в документальных источниках Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1 (108). Январь — март. С. 71–88. Особенно последовательно тенденция возможно полной репрезентации всего коллектива сотрудников прослеживается в публикациях по военной истории академических учреждений, как, например: «...Войны трагическая запись...»: Великая Отечественная война в воспоминаниях сотрудников Зоологического института Российской академии наук / Сост. и ред.: Н. К. Бродская, Ю. А. Дунаева, А. А. Пржиборо, Е. П. Тихонова. СПб., 2021; Великая Отечественная война и блокада Ленинграда в судьбах сотрудников Библиотеки Российской академии наук / Авт.-сост. Н. В. Бекжанова, А. А. Балакина. СПб.: БАН, 2024; Ленинградские лингвисты в годы войны: коллективная монография, посвященная 80-летию Победы в Великой Отечественной войне / Авт.-сост. А. Н. Анфертьева и др.; отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2025; и др.

² СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1-1942. Д. 7. Л. 16 — 17 об.

³ Отец Е. Я. Гусева, Яков Никитич Гусев, родился в 1811 или 1812 г. Занимался мясной торговлей, в 1865 г. получил звание купца второй гильдии. Умер в Санкт-Петербурге в 1874 г. После реформ 1860-х — 1870-х гг. в Петербург приехало много крестьян, работавших в найме и занятых в мелочной торговле. Лишь небольшая их часть занималась предпринимательством по купеческим свидетельствам. Выходцы из Ярославской области составляли около 30 % петербургского купечества в конце XIX в. (*Османов А. И.* Крестьяне в купеческих гильдиях Петербурга в конце XIX — начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. № 1. С. 66–67).

⁴ Обвенчались в Петербурге в 1878 г., после смерти первой жены Е. Я. Гусева — Анны Семеновны Гусевой (1843–1877). Сведения о датах рождения и смерти А. А. Гусевой пока не обнаружены. В личном листке по учету кадров, заполненном в 1937 г., в графе о занятиях родителей после революции В. Е. Басова указывала: «Умерли» (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 1138. Л. 1). Из семейного документа — ходатайства крестьян деревни Корцово об освобождении А. А. Гусевой от налога, известно, что в 1918 г. она была еще жива; похоронена в Петрограде/Ленинграде (*Бондарь Л. Д., Рачкова К. А.* Семья Басовых в блокадном Ботаническом саду и на защите Отечества // Наука в годы Великой Отечественной войны: галерея ученых. СПб., 2025. С. 248).

⁵ Это место рождения (деревня Корцово Ярославской обл.) указано в личном листке по учету кадров, заполненном 19 октября 1938 г. (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 1138. Л. 3). В то время деревня принадлежала Солигаличскому, сегодня — Тутаевскому району (Солигаличский район вошел в Костромскую область).

⁶ В первом браке у Е. Я. Гусева было две дочери: Елизавета (1863 г. р.) и Александра (1867 г. р.). В браке с А. А. Гусевой родились два сына: Владимир (1883–?) и Яков (1891–1927), — и четыре дочери: Екатерина (1881 или 1882 г. р.), Ольга (1887 г. р.), Любовь (1890 г. р.), Надежда (1890 г. р.) и Вера. Все дети, кроме Веры Ефимовны, родились в Санкт-Петербурге.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 1138. Л. 1. По словам внука С. А. Воеводского, Е. Я. Гусев, получивший домашнее образование, был попечителем земского одноклассного училища в Корцово и строителем благотворительного учреждения, возможно, при храме в Корцово. Похоронен в Корцово. После смерти мужа А. А. Гусева оставалась попечительницей училища до 1916 г.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 1138. Л. 1, 3.

⁹ Там же. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Л. 3 об.

¹¹ Там же. Д. 305. Л. 5 об. Михайловское находится в нескольких километрах от г. Галича современной Костромской области (в рассматриваемое время входил в Ярославскую область) и, являясь населенным пунктом Галичского района (в составе Дмитриевского сельского поселения), фактически представляет собой сателлит Галича. Михайловское исторически воспринимается жителями как единое целое с городом Галич (см.: Ми-

- хайловское. Галич. Россия: Село Михайловское Галичского района в истории страны, в судьбе и творчестве соотечественников / Авт.-сост. Н. Ю. Леванина. Саратов, (2025). В личном листке по учету кадров, заполненном в БИН 30 декабря 1937 г., В. Е. Басова назвала местом своего рождения город Галич (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 1138. Л. 1). Позднее приписано — «село Михайловское». Относительно причин такой записи можно только делать предположения; это могло быть стремление к сокрытию при устройстве на работу в БИН своего купеческого происхождения, в том числе и через умолчание о месте рождения, где могла сохраняться память о семье ее отца.
- ¹² «Работница. Кожев[енный] з[аво]д, дер[евня] Шокша Ярослав[авской] обл.» (1933–1934 гг.) (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 1138. Л. 1 об., 3 об.). Деревня Шокша входит сегодня в черту города Галич Костромской обл. Кожевенный завод в Галиче был основан братьями Каликиными в 1860-е гг. и работал до 1918 г. В советское время производственные здания также использовались под кожевенное производство; в рассматриваемое время завод носил название «Революция» и принадлежал Костромскому губернскому объединению кожевенной промышленности (Костромской губкожтрест).
- ¹³ О семье в 1938 г. П. Н. Басов указывал, что она состояла из пяти человек, из них дети — в возрасте от 6 до 15 лет (три дочери Басовых) (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 305. Л. 6 об.). Всего у Басовых было семеро детей, четверо из них умерли в младенчестве.
- ¹⁴ Подробнее о работе Басовых в БИН см.: Бондарь Л. Д., Рачкова К. А. Семья Басовых в блокадном Ботаническом саду и на защите Отечества. С. 240–265.
- ¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 305. Л. 4.
- ¹⁶ Там же. Д. 1138. Л. 2 об., 4 об., 6; Д. 305. Л. 6 об. и др. Речь идет о жилом доме для рабочих и сотрудников на углу ул. Профессора Попова и Аптекарского проспекта.
- ¹⁷ На заявлении («Настоящим прошу принять меня на какую-либо работу как не имеющей таковой») резолюция ученого садовода от 17 июня 1935 г.: «Директору БИН'а. Прошу зачислить Басову сезон[ным] садов[ым] работ[ником] с 19.VI.35» (на документе — пометка о приказе о принятии на работу).
- ¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 1138. Л. 1 об., 3 об., 5 об. Оклад в должности служащей библиотеки составил 125 руб.; имеются сведения об отпусках: 16.08–31.08.1939, 31.08–14.09.1939 (без сохранения содержания), 22.07–05.08.1940, в 1941 г. отпуска не было, получена компенсация (12 руб.). В списке сотрудников библиотеки БИН на 1937 г. В. Е. Басова значится как уборщица (оклад — 105 руб.), работающая в БИН с 25 мая 1936 г. (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 2-1937. Д. 3. Л. 15).
- ¹⁹ Т. Н. Лаптева отмечает большое значение для ненаучных сотрудников пребывания в профсоюзных организациях, благодаря чему они, не имея права состоять в научных советах институтов, получали возможность эффективного укрепления своего положения и оказания влияния на работу учреждения (Лаптева Т. Н. Кто есть кто в академическом НИИ. С. 1000).
- ²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 1138. Л. 5 об.
- ²¹ На больничном она находилась 48 дней: с 19 марта по 8 мая 1941 г. (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 1138. Л. 5 об.). В расчетной карточке со сведениями о зарплате, помимо этих дат, указан дополнительно больничный лист с 10 по 21 февраля 1941 г. (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 2-1941. Д. 3. Л. 104).
- ²² Военный комиссариат г. Санкт-Петербурга (ВК СПб). Отдел по Петроградскому району. Д. 10000421. В другом документе, возможно, ошибочно, указана дата призыва — 28 июня 1941 г. (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1176. Л. 72).
- ²³ ВК СПб. Отдел по Петроградскому району. Д. 10000421; 10000439.
- ²⁴ Сведения о военной службе П. Н. Басова представлены на портале «Память народа».
- ²⁵ ГМИ СПб. Ф. РДФ. Инв. № III-Б-8334д.
- ²⁶ Оставалась ли родня в Корцово, точно неизвестно.
- ²⁷ Не установлено точно, кто это мог быть.
- ²⁸ От деревни Корцово расстояние до Чёлсмы значительно больше — ок. 120 км по дороге.

- ²⁹ М. С. Хапковой и ее жизни у Басовых посвящена отдельная глава воспоминаний ее внучки: *Розанова (Зубова) Н.* Здесь Родины моей начало: историко-биографический очерк // Михайловское. Галич. Россия. С. 145–295.
- ³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1-1941. Д. 18. Л. 6–14.
- ³¹ Очевидно, полный документ содержал большее число страниц: письмо обрывается по содержанию и не содержит подписи.
- ³² См., например, результаты такой работы: *Арабас И., Бондарь Л. Д., Чехович Л. Г.* Ботаническая коллекция Натурального кабинета княгини Анны Яблоновской XVIII в.: свидетельства современников, архивные рукописи и заметки академика В. М. Сивергина // Миллеровские чтения — 2020: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы III Международной научной конференции, 21–24 октября 2020 г., Санкт-Петербург / Сост. Л. Д. Бондарь, Е. Н. Груздева. СПб., 2021. С. 174; *Arabas I., Bondar L., Czechowicz L.* Nie tylko kurs historii naturalnej. Księżnej Anny Jabłonowskiej zbiór “wszystkich przedmiotów dociekań rozumu człowieka” // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 2021. T. 66, № 1. S. 140.
- ³³ Исследование было проведено в рамках сотрудничества СПбФ АРАН и ГМИ СПб. Авторы благодарят сотрудников ГМИ СПб: ученого секретаря Р. Н. Зеленкова, главного хранителя В. В. Коппель, хранителя рукописно-документального фонда Л. П. Баклан за предоставленную возможность работы с оригинальным документом.
- ³⁴ ЦАМО. Ф. Ленинградский ВПП. Оп. 530167. Д. 42740.
- ³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 1138. Л. 5 об.
- ³⁶ Там же. Оп. 2-1942. Д. 5. Л. 74.
- ³⁷ Дочки В. Е. Басовой летом 1942 г. выехали в эвакуацию и вернулись в Ленинград в 1944 г. П. Н. Басов вернулся с фронта, жил и работал в Ленинграде. О послевоенной истории семьи подробнее см.: *Бондарь Л. Д., Рачкова К. А.* Семья Басовых в блокадном Ботаническом саду и на защите Отечества.
- ³⁸ Речь идет о старшей дочери Басовых — Александре, которой к началу войны исполнилось 18 лет.
- ³⁹ Речь идет о средней дочери Басовых — Любове, которой в 1941 г. исполнилось 13 лет.
- ⁴⁰ Речь идет о младшей дочери Басовых — Екатерине, которой в июле 1941 г. исполнилось 10 лет.
- ⁴¹ Детский очаг, или очаг — название детских садов в советское довоенное время. То, что девочка десяти лет, т. е. школьного возраста, была принята в детский сад — ситуация для детского сада БИН военного времени неисключительная. Так, сохранился «Список детей детсада № 11 при Ботаническом институте им. В. Л. Комарова АН СССР», содержащий имена детей в возрасте от четырех до двенадцати лет с резолюцией, адресованной директору детского сада Мишиной: «Принять детей в 11 д/с, 12 чел., от 1/VIII 42-го» (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1-1941. Д. 18. Л. 15–17). В списках 1942 г. в штате детского сада числилось 11 человек (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 2-1942. Д. 7. Л. 4) — столько же, сколько перед войной, в марте 1941 г. (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 2-1941. Д. 1. Л. 14, 15, 20). В довоенное время дети этого детсада обеспечивались не только питанием, но и необходимой одеждой. Так, в перечне запрашиваемых на 1940 г. вещей можно видеть: детские халатики, мешочки для хранения ночных рубашек, рубашки ночные, рубашки верхние для малышей, платья для девочек, панамки детские летние, трусики детские, лифчики, чулки, носки, сандалии (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 2-1941. Д. 1. Л. 29–30). В 1940 г. смета составлялась на 55 детей (Там же. Л. 32). Об обеспеченности детского сада в довоенное время говорит и тот факт, что детсад на лето снимал дачу; такая аренда была заложена и на 1941 г. (Там же. Л. 23, 24, 28).
- ⁴² Следует отметить, что это была не самая плохая ситуация в институте. Сохранился список из 16 человек ленинградской группы БИН на август 1942 г. (в тексте ходатайства в АН СССР о выдаче денежного пособия); из них только у двоих не было иждивенцев, у четверых было по одному иждивенцу, у семерых — по два, у двоих — по три, у одного

- (заместитель директора Б. А. Тихомиров) — четверо (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1-1942. Д. 7. Л. 7).
- ⁴³ Сохранились сведения об отправке сотрудников БИН на оборонные работы в 1941 г. пять раз, 25 октября в списке отправленных на ст. Пери находим также А. П. Басову (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1-1941. Д. 37. Л. 18). 9 ноября бригада уже завершила работу (Там же. Л. 6).
- ⁴⁴ Вскоре, 15 ноября 1941 г., в Ботанический сад попала фугасная бомба. Сохранился акт, сообщающий о разрыве в тот день бомбы в 19 ч. 20 мин. «на Мичуринском участке парка близ оранжерей». Были разрушены пять оранжерей, только часть растений удалось спасти. «Многие экземпляры погибших растений <...> являлись типовыми экземплярами или экземплярами единственными в мире; <...> с гибелью их наука понесла невозвратимую потерю» (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1-1941. Д. 38. Л. 7–10. Ср.: *Фирсов Г. А., Ярмишко В. Т.* Коллекции растений Ботанического сада Петра Великого в экстремальных условиях блокадного Ленинграда // Биологическое разнообразие. Интродукция растений (Сборник научных статей) / Отв. ред. В. Т. Ярмишко. СПб., 2021. С. 193–194, 196, 197. Ср. указания на необходимость охраны территории БИН при постоянных воздушных налетах в 1941 г.: *Ильин М. М., Лавренко Е. М., Савич В. П.* Ботанический институт им. В. Л. Комарова АН СССР в 1941 г. // Природа. 1942. № 3–4. С. 96).
- ⁴⁵ Из обращения директора БИН в Президиум АН СССР от 25 августа 1942 г.: «В течение осенне-зимнего периода 1941–42 гг. сотрудники Ботанического института мужественно защищали свой объект, <...> потушив на территории института свыше 40 зажигательных бомб» (СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1-1942. Д. 7. Л. 18).
- ⁴⁶ Народный дом императора Николая II, построенный в 1899–1901 гг., переименованный в советское время в Государственный народный дом им. Карла Либкнехта и Розы Люксембург (Госнардом). Сильно пострадал в блокаду. Претерпел ряд реконструкций и смену назначения. Сегодня часть здания занимает Санкт-Петербургский планетарий, часть — Музыкальный театр им. Ф. И. Шаляпина. Адрес: Александровский парк, д. 4.
- ⁴⁷ Кем являются упоминаемые в этом абзаце письма лица, не установлено.

References

Arabas, I., Bondar, L. D., Chekhovich, G. Botanicheskaya kolleksiya Naturalnogo kabineta knyagini Anny Yablonovskoi XVIII v.: svidetelstva sovremennikov, arkhivnye rukopisi i zametki akademika V. M. Severgina [The Botanical Collection of the Natural Cabinet of Princess Anna Yablonovskaya of the 18th Century: Evidence from Contemporaries, Archival Manuscripts and Notes of Academician V. M. Severgin. In Russ.]. In Bondar, L. D., Gruzdeva, E. N. (eds.). *Millerovskie chteniya — 2020: Preemstvennost i traditsii v sokhranении i izuchenii dokumentalnogo akademicheskogo naslediya: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 21–24 oktyabrya 2020 g., Sankt-Peterburg*. St. Petersburg, 2021, pp. 171–192.

Arabas, I., Bondar, L. D., Czechwicz, L. Nie tylko kurs historii naturalnej. Księżnej Anny Jabłonowskiej zbiór “wszystkich przedmiotów dociekań rozumu człowieka”. In *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 2021. Vol. 66, no. 1, pp. 137–160.

Bekzhanova, N. V., Balakina, A. A. (ed.). *Velikaya Otechestvennaya voyna i blokada Leningrada v sud'bach sotrudnikov Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk* [The Great Patriotic War and the Siege of Leningrad in the Lives of the Staff of the Library of the Russian Academy of Sciences. In Russ.]. St. Petersburg, Library of the Russian Academy of Sciences press, 2024, 568 p.

Bondar, L. D., Rachkova, K. A. Semya Basovykh v blokadnom Botanicheskom sadu i na zashchite Otechestva [The Basov Family in the Besieged Botanical Garden and in Defense of the Fatherland. In Russ.]. In Bondar, L. D., Gleb, M. V., Polyanskaya, O. N., Ponikarovskaya, M. V., Popov, A. A., Tunkina, I. V. (eds.). *Nauka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: galereya uchenykh*. St. Petersburg, Renome publ., 2025, pp. 238–263.

Firsov, G. A., Yarmishko, V. T. Kollektzii rastenii Botanicheskogo sada Petra Velikogo v ekstremal'nykh usloviyakh blokadnogo Leningrada [Plant Collections of Peter the Great Botanical Garden in the extreme conditions of besieged Leningrad. In Russ.]. In Yarmishko, V. T. (ed.). *Biologicheskoe raznoobrazie. Introduksiya rastenii*. St. Petersburg, Pervyi IPKh press, 2021, pp. 192–198.

Kazanskii, N. N. (ed.). *Leningradskie lingvisty v gody voyny: kollektivnaya monografiya, posvyashchennaya 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [Leningrad Linguists During the War: a Collective Monograph Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War. In Russ.]. St. Petersburg, ILI RAN publ., 2025, 669 p.

Kraposhina, N. V., Bondar, L. D. Personal'nyi sostav Akademii nauk XVIII — pervoi treti XX veka v dokumental'nykh istochnikakh Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN [The Personnel of the Academy of Sciences of the XVIII — First Third of the 20th Century in the Documentary Sources of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. In Russ.]. In *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2022. No. 1 (108), pp. 71–88.

Lapteva, T. N. Kto est' kto v akademicheskom NII: obraz nauchnogo uchrezhdeniya v poslednie desyati-letiya sovetской vlasti (1963–1991 gg.) [Who's Who in an Academic Research Institute: the Image of a Scientific Institution in the Last Decades of Soviet Power (1963–1991). In Russ.]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 994–1006.

Levanina, N. Yu. (ed.). *Mikhailovskoe. Galich. Rossiya: Selo Mikhailovskoe Galichskogo raiona v istorii strany, v sud'be i tvorchestve sootchestvennikov* [Mikhailovskoye. Galich. Russia: The Village of Mikhailovskoye of the Galich Region in the History of the Country, in the Fate and Work of Compatriots. In Russ.]. Saratov, KUBiK publ., 2025, 468 p.

Nosov, N. E. (ed.). *Akademicheskaya arkhologiya na beregakh Nevyy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.)* [Academic Archeology on the Banks of the Neva River (from Russian Academy of the History of Material Culture to Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 1919–2014). In Russ.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin publ., 2013, 416 p.

Osmanov, A. I. Krestyane v kupecheskikh gildiyakh Peterburga v kontse XIX — nachale XX v. [Peasants in the Merchant Guilds of St. Petersburg in the Late 19th — Early 20th Century. In Russ.]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. 2006. No. 1, pp. 66–72.

Tunkina, I. V. *Khraniteli akademicheskoi pamyati (XVIII — pervaya tret' XX v.): Ocherki istorii Sankt-Peterburgskogo akademicheskogo arkhiva* [Keepers of Academic Memory (XVIII — the First Third of the 20th Century): Essays on the History of the St. Petersburg Academic Archive. In Russ.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2016, 512 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Л. Д. Бондарь, К. А. Рачкова. Блокадное письмо В. Е. Басовой (к военной истории Ботанического института АН СССР) // Петербургский исторический журнал. 2026. № 3. С. 47–61. DOI 10.51255/2311-603X_2026_3_47

Аннотация: В фондах Государственного музея истории Санкт-Петербурга хранится блокадное письмо В. Е. Басовой (1895–1942), служащей Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР (БИН). Являясь ценным аутентичным документальным свидетельством эпохи, публикуемый документ содержит информацию о работе БИН в годы блокады, о сотрудниках, преданно сберегавших научные ценности института и его здания, а также о той посильной помощи, которую учреждение могло оказать своим работникам и защитникам в самые суровые блокадные дни. Это беспристрастные и бесхитростные свидетельства, дополняющие официальные документы, сохранившиеся в фонде БИН в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 273). Настоящее исследование представляет эпистолярный документ военного времени — с утратами текста, вызванными требованиями военного времени, и освещает результаты работы по выявлению этих утрат. В статье предлагается полнотекстовая публикация этого письма. Блокадная история В. Е. Басовой и ее семьи — одно из красноречивых свидетельств того, как критические времена, какими стали годы ленинградской блокады, решительно стирали грани между академиками и простыми служащими, а свой вклад в сохранение остававшихся в Ленинграде научных коллекций, оборудования, недвижимого имущества научных учреждений и в продолжение научной работы в равной степени вносили как первые, так и вторые.

Ключевые слова: Ботанический институт им. В. Л. Комарова Академии наук СССР, блокада Ленинграда, сотрудники института, семья Басовых.

FOR CITATION

L. D. Bondar, K. A. Rachkova. The Blockade Letter by V. E. Basova (on the Military History of the Botanical Institute of the USSR Academy of Sciences) // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2026, pp. 47–61. DOI 10.51255/2311–603X_2026_3_47

Abstract: The State Museum of the History of St. Petersburg holds a letter from V. E. Basova (1895–1942), an employee of the V. L. Komarov Botanical Institute of the USSR Academy of Sciences (BIN). Being a valuable authentic documentary evidence of the era, the published document contains information about the work of the BIN during the years of the siege, about the staff who faithfully preserved the scientific values of the institute and its buildings, as well as about the feasible assistance that the institution could provide to its employees and defenders during the harshest days of the siege. These are impartial and unsophisticated testimonies that complement the official documents preserved in the BIN Foundation in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (Fund 273). This study presents an epistolary document of wartime, with text losses caused by the demands of wartime, and highlights the results of work to identify these losses. The article suggests a full-text publication of this letter. The blockade story of V. E. Basova and her family are one of the eloquent evidences of how critical times, such as the years of the siege Leningrad, decisively blurred the lines between academics and ordinary employees, and both the former and the latter contributed to the preservation of scientific collections, equipment, and real estate of scientific institutions remaining in Leningrad and to the continuation of scientific work.

Key words: V. L. Komarov Botanical Institute of the USSR Academy of Sciences, the siege of Leningrad, institute staff, the Basov family.

Автор: **Бондарь, Лариса Дмитриевна** — к. и. н., заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Bondar, Larisa Dmitrievna** — PhD in History, Deputy Director for Scientific Work, The Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch (St. Petersburg, Russia).

E-mail: L007@list.ru

ORCID 0000-0001-6745-841X

Автор: **Рачкова, Ксения Андреевна** — независимый исследователь, правнучка В. Е. Басовой (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Rachkova, Ksenia Andreevna** — independent researcher, great-granddaughter of V. E. Basova (St. Petersburg, Russia).

E-mail: ksya@yandex.ru